

РЕПРЕССИИ 20–30 ГОДОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И СОСТОЯНИЕ КУЛЬТУРЫ СОЦИУМА

Лоов Анзор Ахмедович

кандидат исторических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный аграрный
университет имени В.М. Кокова, г. Нальчик
anzor-44@yandex.ru

THE REPRESSIONS OF THE 20-30S IN THE NORTH CAUCASUS AND THE STATE OF THE CULTURE OF SOCIETY

A. Loov

Summary: The subject of analysis and interpretation in the presented article is the regional peculiarities of cultural policy pursued in the context of the formation of a system of repression in the country in the 20–30s. As a result, various characteristics of culture are presented, considered through the prism of the ongoing repressive policy in one of the autonomous republics of the North Caucasus (Kabardino-Balkaria). The article highlights the stages of the existence of a repressed culture associated with epochal transformations of economic life, politics, and spiritual life. The paper defines the forms used, the methods and methods of repression used by state bodies. At the same time, different spheres of public life were highlighted where the consequences of repressive policies manifested themselves. This is an atheistic policy in theory and practice, expressed by the desire to destroy religiosity and religious spirituality. This includes repression against employees of administrative bodies established in settlements where politics and the struggle for power have come. The period under review was the time of the destruction of the victors in the civil war, which had the idea of building a new society. On this basis various forms of repressive state policy were created aimed at creating an obedient and eventually ideological spiritual culture.

Keywords: North Caucasus, repression, collectivization, culture, dispossession.

Аннотация: Предметом анализа и интерпретации в представленной статье являются региональные особенности культурной политики, проводимой в условиях формирования в стране системы репрессий в 20–30 годы. В результате представлены различные характеристики культуры, рассмотренные через призму проводимой репрессивной политики в одной из автономных республик Северного Кавказа (Кабардино-Балкарии). В статье выделены этапы существования репрессированной культуры, связанной с эпохальными преобразованиями хозяйственной жизни, политики, духовной жизни. В работе определены используемые формы, применяемые государственными органами способы и методы проведения репрессий. При этом выделены разные сферы общественной жизни, где проявлялись последствия репрессивной политики. Это и атеистическая политика в теории и практике выразившаяся стремлением разрушить религиозность и религиозную духовность. Это и репрессии по отношению к работникам административных органов, созданных в населенных пунктах, где пришла и политика, и борьба за власть. Рассматриваемый период стал временем уничтожения победителей в гражданской войне, имевших идеи построения нового общества. На такой основе были созданы различные формы репрессивной государственной политики, направленной на создание послушной и в итоге безыдейной духовной культуры.

Ключевые слова: Северный Кавказ, репрессии, коллективизация, культура, раскулачивание.

Трансформационные, социально-политические процессы рубежа последних веков выявили проблему формирования адекватной, структурированной модели исторического существования народов. В России декларируется и последовательно реализуется целый ряд социально значимых проектов, определяющих возможные цивилизационные контуры страны в будущем. Россия сегодняшнего дня — это процессы формирования модернизированного типа социальности, где учреждаются новые механизмы взаимоотношений общества и государства, народа и власти. В основе происходящих перемен лежат становление институтов гражданского общества, идет процесс создания идеологии отвечающей интересам страны. В этих условиях, значимой, имеющей решающее значение для успешности проводимых трансформаций, является формирование культурной политики в стране, определению места и роли интеллигенции в процессах формирования новой социумной жизни. Практический интерес представляют

вопросы развитие культуры в национально-территориальных образованиях, где формы европейской культуры, образования и литературы находились в процессе становления. Необходимо определиться с особенностями культуры у разных народов, государственно-территориальных образований, исторически сложившихся центров духовности. Предпосылкой для такого анализа духовной жизни общества является исследование особенностей истории народов Северного Кавказа, проводимой государством внутренней политики, практики репрессий, в том числе и в отношении интеллигенции. Трагической страницей в истории евразийских народов было преследование работников образования, искусства, литературы. Здесь необходимо иметь в виду, что существование подобных, болезненных, возникших на базе массовых репрессий периодов истории были практически во всех государственных образованиях. Несмотря на своеобразие отдельных социумных образований сложились однотипные массовые методы и способы

проведения репрессивной политики. Сложившийся репрессивный аппарат исходил и из существующих уголовных законов, и решающее значение при этом имели организованные политические процессы. По всей стране были созданы исправительно-трудовые лагеря, куда ссылали неугодных по разным мотивам и в то же они получали характеристику врагов народа, контрреволюционеров. Было создано общество, которое периодически зачищалось от групп населения способных к самостоятельному существованию. Наиболее образованных, способных к участию в политической жизни, имеющих навыки идеологической деятельности приговаривали к высшей мере наказания.

Необходимо при этом иметь в виду формирование и существование у народов Северного Кавказа немногочисленного слоя образованных людей, работающих в различных формах духовной деятельности. По существу, деятели культуры, представители интеллектуальной части населения были выведены из процессов социальной, духовной жизни общества. Показательным началом такой политики в России было известное выселение интеллектуалов мирового уровня, философов, писателей и ученых на пароходах названных впоследствии «философскими». В 1922 г. из страны насильственно были выдворены более 160 видных деятелей культуры, определявших духовную атмосферу в стране, возможные ориентиры будущего страны. В остальном евразийском социальном пространстве репрессивная машина государства размалывало интеллектуальную часть общества, не обращаясь к «пароходам». Образованная часть населения была выведена за пределы политической, социальной, образовательной, культурной сферы общественной жизни.

В статье рассмотрены проблема исторического развития, функционирования духовной сферы общественной жизни и отношение к интеллигенции в эпоху становления и развития тоталитарного государства в России. Тезис статьи заключается в том, что для сложившегося политического режима необходимостью является подавление инакомыслия и выступлений против власти. Основным способом достижения таких целей и был запуск репрессивного механизма в стране. При этом реализация таких целей происходила на разных территориях, у разных народов. Объективное понимание проблемы политических репрессий в СССР невозможно без глубокого переосмысления их влияния на развитие образования и культуры страны, поскольку именно в образовательных и культурных учреждениях реализуется преемственность поколений, формируется гражданская и политическая позиция личности. Вследствие этого актуализируется задача изучения репрессивной политики советского государства в 30-е годы XX века в сфере образования и культуры не только в масштабах страны, но и на региональном уровне. Рассматриваемый период по-

зволяет выявить наиболее характерные черты проводимых репрессий и их последствия для развития культуры, духовной жизни в России. Началом массовых репрессий в стране стал 1927г. На территории всей страны стали проводить внесудебные незаконные преследования и уничтожение активных, самостоятельных категорий населения, определяя их как саботажников и вредителей. Репрессии стали элементом внутренней политики.

Репрессивная машина заработала в полную силу, начиная с ноября 1929 года.

Основным средством коллективизации стало раскулачивание. Такие разрушения сложившегося образа жизни происходили в период с января 1930 г. и до 1936 г. На Северном Кавказе шло выселение людей, объявленных «кулаками», в отдаленные районы страны.

Высылали, подчиняясь определенной идеологии и логике. Начальный этап репрессивного преобразования общественной жизни - период с января 1930 г. до октября 1931 г. Основной целью власти было ликвидация возможной оппозиции проводимой внутренней политике. При этом эти репрессии проводились на основе идеи необходимости создания более справедливого образа жизни путём раскулачивания зажиточных крестьян (владевших частной собственностью) и создании коллективных хозяйств. Но эти репрессии имели своей целью не только решение политических проблем, но они разрушили существующую традиционную духовную культуру и одновременно репрессиям подверглись формирующиеся элементы социалистической, светской культуры. Второй этап коллективизации, а вернее переустановки общественной жизни возникает с осени 1931г. и длится до мая 1933 г., основной идеей репрессий была высылка в качестве наказания за невыполнение государственных планов. И с середины 1933 г. до середины 1936 г. высылки проводились с целью перераспределения в стране трудовых ресурсов. В процессе выселения и арестами, и конфискацией имущества занимались все общественно-политические структуры, а не только органы ОГПУ и НКВД [1, с.12].

Культурно-просветительные учреждения обслуживали эти процессы. Часть работников этих учреждений, которых можно отнести к числу советской интеллигенции, фактически сменили свою социальную функцию, из выразителей потребностей общества они превратились в исполнителей социального заказа сложившейся тоталитарной власти.

В школьной работе на учителей навешивались разные ярлыки. Так, в сел. Баксаненок и Кишпек школы получили деньги на приобретение инструментов для технического образования и заказали эти инструменты. Но приехавшая комиссия инструментов не обнаружила

(их еще не прислали) и обвинила учителей в том, что они не собрали такие инструменты у местных жителей. «Налицо явный правый оппортунизм, нежелание выполнять решения ЦК ВКП(б)» [2, с. 110]. Учителей объявили «мажорными оппортунистами и саботажниками». «Учителя признали свою вину, и дали слово упорной дальнейшей работой искупить таковую» [2, с. 110–111].

На 4-м Пленуме Исполнительного Комитета КБАССР из состава Пленума исключили 11 чел. – Амшокова, Афаунова И., Карашаеву Л., Каминскую, Хашхожева, Энеева как разоблаченных врагов народа, Накова за контрреволюционную вылазку, Коложкова как находящегося под судом и Кузнецова, Курбатова, Налоеву как выбывших из пределов республики [4, с. 23].

При поиске врагов акцент сместился на разоблачение буржуазных националистов, что поставило под удар итоги коренизации. На XV областной партконференции было заявлено: «враги народа буржуазные националисты в системе народного образования Кабардино-Балкарии, национальном издательстве и других культурных организациях тормозили строительство школ, засоряли учительские кадры классово чуждыми элементами, срывали планы всеобуча. Они разлагали советскую школу, прививали детям антипролетарскую идеологию, дискредитировали лучшую часть учительства, подбирали из числа враждебных элементов авторские кадры по составлению и переводу учебников, в которых протаскивали антисоветские троцкистско-бухаринские трактовки и т.д.» [9, л. 93].

На вредительскую деятельность Афаунова и Энеева, которые якобы разваливали учебную работу, «используя в этих целях сектантов, попов, мулл, остатки разгромленного кулачества», свалили то, что за 1936–1937 г. из школ республики отсеклось свыше 3000 детей, а 4137 детей остались на второй год. А на обучение второгодников надо израсходовать свыше миллиона рублей из бюджета народного образования [4, с. 4–5].

Интересно, что в 1936 г. обком партии отметил в отчете: «Значительный процент второгодничества является результатом низкой квалификации учительства вообще, и национального учительства в особенности» [8, л.82]. Тем не менее, вскоре «Бандит Энеев» обвинялся в том, что ни одна школа в республике не была построена вовремя [4, с. 5–6].

Из школ были вычищены 287 учителей «из числа разоблаченных враждебных элементов». Этими элементами были арабисты, бывшие муллы, белогвардейцы, буржуазные националисты и «троцкистско-бухаринские бандиты» [4, с. 7].

Чтобы покрыть возникшие потребности в педагоги-

ческих кадрах, ОНО обязали открыть годовичные курсы по подготовке учителей на 160 чел. [4, с. 10].

Крупнейшим вредительским актом был объявлен срыв плана развертывания 7–10 классов, в этом усмотрели создание полного разрыва между начальной и высшей школой, «чтобы затормозить подготовку для республики квалифицированных кадров из коренных национальностей (педагогов, врачей, инженеров и т.п.)» [4, с. 11].

Среди врагов народа, разлагавших советскую школу и протаскивавших антипролетарскую идеологию, были названы 4 русских, 3 еврея и 4 «национала» (Белов, Водахов, Иванцов, Карпов, Базилевич, Тлегулов, Хорольский, Левицкий, Гацунаев, Шабатуков, Гуськов «и многие другие») [4, с. 5].

Любые недоработки и халатность объявлялись вредительством. Так, в портфелях национального издательства лежали, но не были изданы 44 наименования различных учебников и учебных пособий на родных языках [10, с. 96]. Причина была ясна. Авторские кадры по составлению и переводу учебников якобы были почти сплошь подобраны из врагов народа (Борукаев, Пшеноков, Сруков, Налоев, Кожаев, Хочиев и др.), «которые протаскивали в учебники антисоветские троцкистские трактовки» [4, с. 5].

Возможно, причиной этого заявления стал балкарский учебник, описанный еще в 1931 г.: «На Северном Кавказе школы работают с таким учебником (балкарский учебник), в котором на целой странице убедительно трактуется о том, что балкарцы не любят колхозов и очень хорошо обходятся со своим единоличным хозяйством. В этом учебнике совершенно вытравлены понятия слов: «коммуна», «колхоз», «бедняк», «кулак» и т.д.» [с.].

Вредительством было объявлено лимитирование набора в пединституты из представителей коренного населения, из-за чего якобы в школах учителя из числа кабардинцев и балкарцев составляли всего 37 % [10, с. 96].

На врагов свалили неудачи в борьбе с неграмотностью, якобы оказавшиеся в руководстве областных организаций «фашистские псы, наймиты – враги народа» сорвали обучение взрослого населения, давая ложные сведения о, якобы, полном завершении дела ликвидации неграмотности и малограмотности [6, с. 54].

Репрессиям подверглись и работники СМИ. На партконференции в 1938 г. было сказано: «в последние годы мы не раз снимали враждебные группы, пробравшиеся к наиболее острейшему оружию нашей партии – печати». Конкретно назывались «враги народа» Петров, Якимен-

ко и Сабанин. Из редакций было «изъято» и уволено 17 чел., в том числе редакторы всех трех республиканских газет. «Из русской редакции уволено около 50 % всех работников» [11, с. 136]. Это показывает, что под репрессии попадали и русские сотрудники.

Из 14 руководителей Кабардино-Балкарского областного отдела народного образования в 1918–1941 гг. 10 были расстреляны или погибли в застенках ОГПУ: П.И. Тамбиев (1918–1919 гг.); И.А.-Г. Катханов (1920 г.); М.А. Энеев (1920–1922 гг.); Х.Б. Хуранов (1923–1925 гг.); Х.М. Камбиев (1925–1929 гг.); А.П. Булычёв (1929–1930 гг.); К.У. Максидов (1930–1935 гг.); И.Т. Афаунов (1935–05.1937 гг.); Ж.Б. Сибеков (1937–1939 гг.); Х.Б. Хагуров (1938) [12, с.28–163].

По данным Кабардино-Балкарского республиканского отделения «Мемориал» и правозащитного центра «Политические репрессии в Кабардино-Балкарии» в 1920–1930-х гг. было репрессировано свыше 5 тыс. человек. В их числе более 100 представителей национальной культуры и образования [3, с. 552]. Среди репрессированных были руководители и рядовые работники культурно-просветительных учреждений, директора школ, учителя, преподаватели вузов, студенты. Интеллигенция – носитель духовного потенциала, высококвалифицированные специалисты, понесла большие потери.

В целом отношения между дореволюционными работниками умственного труда и советской властью характеризовались неприязнью и недоверием, поэтому возникла необходимость формирования новой социалистической интеллигенции. На место репрессированных пришли люди без необходимого опыта и квалификации. В 1930-е гг. в регионе произошло значительное увеличение технической и педагогической интеллиген-

ции, наряду со снижением квалификационного уровня и изменением социального состава специалистов.

Таким образом, в соответствии с имевшимися директивами ЦК ВКП(б), прямыми указаниями И.В. Сталина органы НКВД активизировали свою деятельность по вскрытию и ликвидации «контрреволюционных» организаций и борьбе с «врагами» и «вредителями». Массовые политические репрессии в 1930-е гг. были важнейшим механизмом регулирования жизни государства. Они стали завершающим этапом сталинской революции «сверху». Индустриализация стала возможна только при наличии и введении в действие репрессий. Репрессивный механизм оставался необходимым в СССР и после его перехода к социалистической экономике. В частности, он перераспределял рабочую силу в нужных государству направлениях и отраслях. Человеческие жертвы, экономические и культурные последствия «большого террора» невосполнимы. Политические репрессии причинили колоссальный вред, уничтожив ученых, педагогов, инженерно-технических специалистов, руководителей разного уровня. Чистка 1930-х гг. в среде интеллигенции имела длительные последствия и нанесла неизмеримый урон историческому развитию региона и страны в целом, который продолжает ощущаться и поныне. Но эта логика проводимой политики в основном характерна для областей, где утвердился индустриальный образ жизни. Для автономных образований Северного Кавказа с крестьянским образом жизни характерны для репрессии в отношении тех, кто получил образование в период и после гражданской войны, а особенно самодеятельных крестьян и духовенства. Особой категорией были остатки представителей знати, не знавших ни русского языка, ни социализма, лишь по факту благородного происхождения, и стар, и млад этих родов были уничтожены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейбулатов А.Ш. Кулацкий вопрос на Северном Кавказе: эволюция и особенности решения: 1928–1935 гг.: автореф дис. канд. ист. наук. – Пятигорск, 2006. – 180 с.
2. Волконский Ив. Об одном опыте ликвидации прорыва на кулфронте // Революция и горец. – 1932. – № 4. – 137 с.
3. Книга Памяти жертв политических репрессий Кабардино-Балкария. 1920–1941. – Нальчик: М. и В. Котляровых, 2009. – 552 с.
4. Постановления IV Пленума Исполкома КБАССР. – 23 с.
5. Уралов М. Вопросы культурного строительства в нацреспубликах и областях // Просвещение национальностей. – 1931. – № 3. – 92 с.
6. УЦДНИ АС КБР. – Ф. П. – 19. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 54.
7. УЦДНИ АС КБР. – Ф. П. – 1. – Оп. 1. – Д. 164а. – Л. 25–26.
8. УЦДНИ АС КБР. – Ф. П. – 1. – Оп. 1. – Д. 170. – Л. 82.
9. УЦДНИ АС КБР. – Ф. П. – 1. – Оп. 1. – Д. 192. – Л. 93.
10. УЦДНИ АС КБР. – Ф. П. – 1. – Оп. 1. – Д. 192. – Л. 96.
11. УЦДНИ АС КБР. – Ф. П. – 1. – Оп. 1. – Д. 192. – Л. 136.
12. Шагапсоев С.Х., Тохова С.М. Из истории просвещения Кабардино-Балкарской Республики (1918–2012) – Нальчик, 2012.

© Лоов Анзор Ахмедович (anzor-44@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»